

РУССКИЕ
КЛЫМКИ И КЖИ

Михаил Петрович Погодин

Петрусь

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — историк, литератор, издатель журналов «Московский вестник» (1827–1830), «Московский наблюдатель» (1835–1837; совместно с рядом литераторов), «Москвитянин» (1841–1856). Во второй половине 1820-х годов был близок к Пушкину.

Содержание

#1	0005
ПРИМЕЧАНИЯ	.0019

М. П. Погодин
Петрусь
Малороссийский анекдот

Посвящается И. П. Котляревскому

Кто бывал в Полтаве, тот верно помнит Александровскую улицу, от памятника к собору, усаженную высокими подбористыми тополями, которые в летнюю месячную ночь, тихо колеблемые ветром, дают от себя такую очаровательную тень. Здесь на углу, близ горы Понянки, по которой недавно еще, до проложения новой дороги, мучась, взбирались приезжие из разных верхних городов, жил несколько лет тому назад зажиточный казак Скоробрешенко. Он промышлял торговлею, ибо тогда еще мало было русских купцов в Малороссии, — и очень выгодно, благодаря расторопности, усердию и смышленности своего приемыша, который вырос у него на руках и, возмужав, сделался надежным помощником. Можно даже сказать, что Петро было полным хозяином в доме, ибо вдовый казак, по старой памяти, любил гораздо лучше за поставцем горилки разговаривать с своими товарищами о Гетманщине и об удалых подвигах своих предков, чем возиться в огороде, около весов

или закормов. Петро ходил у него за таранью на Дон и за дегтем в Кременчуг, и торговал в лавочке, и сажал капусту, и вел денежные счета. Надо признаться, что сирота под конец трудился так ревностно не без корыстных видов: Наталка, единственная дочь старикова, с которою он вместе вырос и воспитался, ему полюбилась. И в самом деле, эта дивчина во всем околотке славилась своими достоинствами: разумная, до всякого дела дотепная, трудящая, почтительная, и притом чернобровая, черноглазая, белая, румяная. Когда она выходила наряженная в церковь, или в клечану неделю на улицу, или к подругам на вечерницы, то вся полтавская молодежь на нее заглядывалась. Никто лучше ее не умел укладывать сизые селезневые перушки на висках, а косы кружком на голове с желто-горячими гвоздиками. В пестрой плахте, с червонною запаской, из-под которой выказывалась сорочка, вышитая заполочью, вся в лентах цветных, на шее дукаты и добрые намысты — ну, словом, любо-дорого смотреть. Так и подвертывались к ней тогда удалые хлопцы

играть в хрещики или горюдуба или плясать голубца. Так и подступали к ней выкрутасом, когда она, в дробушках, потупив глаза, опустив руки, мялась на месте или, цокая подковками, на лету раскачивалась. Год от году Петрусь любил ее больше и больше и старался приобретать ее благосклонность. Дома, разумеется, он не допускал никакой тяжелой работы до белых ее ручек. Сходить ли в грязную пору на рынок за припасами, принести ли воды из колодца, заколоть ли порося, зарезать ли индича или баранца — он бросал свое дело, уговаривал даже покупателей дожидаться и тотчас исполнял всякое желание и просьбу своей любезной. Зато и у Петруся хустки были всегда узорнее стариковых, зато и Петрусю прежде всех в доме было готово снадание, зато и Петрусю во время ярмонок сама Наталка приносила в плетеном кошике горячий борщ с салом, бараниною и куркою, пампушки с олеєю и луком, корши с маком и медом. Таким образом услуживая друг другу, забавляя друг друга, они любились счастливо в простоте сердечной, но когда у Петруся начал жестче

пробиваться ус, когда у Наталки грудь начала подниматься выше при какой-нибудь замысловатой песне, то их веселая, беззаботная жизнь отенилась новыми, приятными и неприятными чувствами: и ей было скучно, когда он долго не ворочался с Решетиловки или Опочки, и ему было досадно, как она с кем другим забавлялась, пела или плясала. Они уж стали и стыдиться, и краснеть друг друга, а иногда чересчур и вольничать. Злые глаза это подметили, а злые языки начали распускать о девушке худую молву. Это дошло и до нее. Однажды, как на вечернице одна завистливая дивчина намекнула ей о неверности Петруся, а другая, застарелая, попрекнула ее сомнительным поведением, она воротилась домой вся в горьких слезах.

— Що с тобою зробилось, чого ты так сумуешь? — спросил ее Петрусь, встретясь с нею на дворе.

— Та все через тебе, — отвечала, вхлипывая, Наталка.

— Як через мене, с чего се ты взяла, щоб я був такой лыхий чоловік, щоб довив тебе до

такого горя?

— Та як бы ты був не лыхий чоловік, не розносив бы про мене такого сраму; на що ты выхвалявся всем, що я... що ты... А теперь все люди чорт зна що про мене думают.

Напраслина огорчила Петруся; он старался разуверить чувствительную девушку.

— Я тебе люблю, як никого на свете: чи можно, щоб я став выгадывать про тебе?

— Та колы ты мене любишь, чом же ты не скажеш батькови про се? я и сама люблю тебе.

Можно представить себе, как обрадовался добрый малый такому нечаянному объяснению, на которое хотя он до сих пор и надеялся, но зато столько же и боялся противного. Минутная досада и обида были вознаграждены слишком. Он расцеловал свою милую, и по прошествии первых минут любовного восторга они уговорились, как объявить отцу взаимное желание. Петрусь опять робел, но Наталка ободрила его, сказав, что отец любит его как родного сына и часто, пред гостями даже, все свое благосостояние приписывает неусыпным трудам дорогого

приемыша. Что могло более ручаться за успех?

В первое воскресенье, помолясь усердно перед образом, одевшись в лучшее платье, пригладив гладенько кваском волосы, пришел Петрусь к старому казаку, повалился в ноги и начал:

— Ты був для мене бильше, ниж ридный батько, николы не лаяв мене без нужды, обходывся за мною, як з ридным сыном. А теперь прийшов тебе проситы о последней милосты.

— О який?

— Отдай за мене дочь свою Наталку.

Старик, удивленный такою неожиданною просьбой, не может, задыхаясь с сердцов, выговорить слова, а Петро, принимая это молчание за добрый знак, в жару продолжает:

— Я давно вже люблю Наталку, и вона мене любит; мы будем целый вик з нею молыть за тебе бога, будем любыть тебе от всего сердца, и дety наши, колы воны будут...

— Як! я, — прервал наконец старик, переведши дух, — я отдам дочь свою за чорт,

батька, зна кого, що ни роду ни племени, як бурлака, або як голодряпец! Чи ты сказывся, або в уме повередывся, або мабудь яка ведьма обморочила тебе? Ось до чего дожив я: згодовав порося, а теперь зробылась свынья, бачь, яку шкоду вробыла. Убирайся витселя, вражий сыну, и на очи не попадайся; а не то я тебе зверну голову на сторону.

Остолбенел мой бедный Петро. Слезы в три ручья из глаз у него покатались.

— Побыла ж мене лыха година та нещастлива, — сказал он, отходя от двери. — Прощай, тату, спасыби тоби за хлиб, за силь, спасыби тоби, що ты мене дытиною прыютыв, нехай тоби за се господь заплапыт, а мыни ничым тебе отдыяковать. Просты мене сыроту, що я обидыв тебе, що дав сердцю своему волю. Прощай, тату, навики!

С сими словами он вышел из хаты: в сенях дожидалась его Наталка. Один вид его поразил ее как громовым ударом.

— Нема талану, — чуть выговорил несчастный, громко рыдая, поцеловал ее горячо, обеспамятевшую от ужаса, и выбежал из дома, куда глаза глядели.

Петрусь, надо отдать честь его рассудку, скоро опомнился, в первой деревне, и сообразил, что бедность была единственною причиною Скоробрешенкова отказа и что этому горю пособить еще можно: стоит как-нибудь наработать столько денег, чтоб прельстить расточительного старика, который по всем расчетам должен был вскоре почувствовать в них понудительную нужду.

С таким решением идет Петра в Кременчуг к купцу, знакомому ему по прежним торговым оборотам; и на этот раз счастье ему поблагоприятствовало: он поступает в приказчики, в продолжение времени приобретает большую и большую доверенность, оказывает случайно важную услугу на ярмарке, получает в награждение порядочную сумму, входит к купцу в долю, берет на нее по особливому счастью значительный барыш — и таким образом чрез несколько времени, не считая проходящих дней, а считая только получаемые деньги, не смотря на дорогу, а только на цель, накопляет две тысячи рублей.

Больше не нужно, и Петрусь решился воротиться на родину. Получив последний рубль, объяснившись с хозяином и поблагодарив его за милости, спешит он домой. Как взволновалась его кровь, когда под вечерок, вышед из последнего селения, увидел он на горе свою родимую Полтаву! Он не шел, а бежал и около сумерек добрался до городской горы. Сердце его выпрыгнуть хочет. Не заходя на постоялый двор, в дорожной свите, засыпленный, небритый, поворачивает он к Скоробрешенкову дому. Он уже не бежит, а летит... Наталка! сейчас я увижу тебя, поцелую.

Петрусь надеется, что все застанет на прежнем месте, в прежнем виде; несчастный! он позабыл, что пять лет его не было дома, он не думает, что в такое долгое время много воды может утечь... Шагах в пятидесяти не доходя до дома, встречается он с женщиною, которая, ведя ребенка под руку: с коромыслом на плечах, в изорванном платье, шла за водою. «Чи здрав ли пан Скоробрешенко?» — спрашивает ее мимоходом нетерпеливый... Но я лучше для ясности расскажу здесь сам

читателям, что случилось с этим казаком и его дочерью во время отсутствия Петруся.

Гордый старик, который в роду своем считал многих хорунжих и эсаулов, который и теперь водился только с чиновными людьми, повытчиками, канцеляристами и цехмистрами, был вне себя от негодования, что бескровный сирота осмелился свататься за единственную дочь его и наследницу. Он решился тотчас выдать ее замуж за одного из своих приятелей, старого волостного писаря, который уже не раз ему об этом за вишневкою и терновкою заговаривал. В несколько дней, в продолжение коих бедная девушка молча стонала по скрывшемся Петрусе, дело было слажено, условия между стариками приняты и утверждены — и наконец отцовское приказание с грозным окриком объявлено: послушная Наталка обвенчалась с постылым женихом своим.

Но хозяйство и торговля без оборотливого Петруся пошли очень дурно. Любезный зять только что пил, гулял и играл в три листика с дорогим своим тестюшкой. Наталка только что горевала и плакала; нанятый батрак

норовил только свой карман набить потуже. Присмотреть было некому. Писарь, надеясь на мнимое богатство стариково, отстал даже и от своей должности. Расходу домашнего прибавилось много, покупатели по разным неудовольствиям мало-помалу отставали от лавки, должники долгов не приносили, а заимодавцы своих требовали и часто, обманутые, стали даже списывать крестики; старик лишился доверенности, а между тем все пил, пил — и таким образом умер, наконец, разоренный и обесславленный.

Имение продали с аукционного торга, дом отняли за долг, и бедная Наталка принуждена была оставить тихое свое пристанище, где была она некогда столько счастлива, где обманчивая надежда сулила ей столько радостей. Куда делась ее веселость, ее красота? Как непохожа была эта бледная и худая женщина на прежнюю пышную Наталку. Так в короткое время едкое горе ее обезобразило. Житье ее было самое печальное. Еще при отце терпела она много от своего брюзгливого мужа и из-за кружев принуждена была приняться за самые

черные работы; теперь без последнего заступника, который, протрезвясь, иногда все-таки замолвливал за нее слово и удерживал грубияна от излишеств, по чужим углам, с кучею ребятишек, она принуждена была терпеть побои, голод и холод, иссохла, как былинка, и почти ослепла от слез, лившихся денно и ночно при мучительных воспоминаниях о незабвенном Петрусе.

И ее-то встретил бесталанный хлопец, воротясь в Полтаву. Мы видели, что, не узнав ее впотьмах, он спросил ее о здоровье пана Скоробрешенки. «Нема вже его на свите», — отвечала женщина, не поднимая головы... В голосе послышалось что-то слишком знакомое. Петрусь вздрогнул. Господи! неужели это она? Испуганный, невольно он останавливается, не знает, на что решиться, наконец тихо идет вслед за нею к колодцу. Там, пока опускает она бадью, всматривается он в обтянутое лицо ее... Она! она!

Руки у него опустились, голова закружилась; как вкопанный остается он на своем месте и с полными слез глазами смотрит за нею вслед, когда она с налитыми

ведрами пошла назад, таща заплакавшего ребенка...

Здесь застал его чрез несколько минут знакомый приходской священник, проходивший мимо; начал с ним разговор, узнал его и, пригласив ночевать к себе, пересказал несчастному приключения Скоробрешенка и его семейства.

Что же сделал Петрусь? Разведав на другой день чрез священника, за сколько денег взят дом, за сколько попал в тюрьму Наталкин муж, недавно посаженный, и сколько им нужно на новое обзаведение, отсчитал сполна все деньги доброму посреднику и взял с него честное слово никому о том не сказывать.

У него осталось еще сто восемьдесят рублей. Завернув их в бумагу, он послал их также своему старому другу чрез священника и, взяв от него благословение, скрылся из Полтавы так, что уже с тех пор об нем не было никакого слуху.

Наталка не долго пользовалась полученным благодеянием: она исчахла с

горя и только перед смертью имела еще несколько сладостных минут, узнав, по чьей милости обеспечена судьба троих ее сирот.

1831

ПРИМЕЧАНИЯ

М. Погодин. Петрусь. Повесть посвящена И. П. Котляревскому, с которым М. П. Погодин познакомился в 1829 году. Написана по мотивам комической оперы И. П. Котляревского «Наталка-Полтавка», но с иными сюжетными подробностями и другим финалом.

Гетманщина — в 1667–1783 годах так называлась Левобережная Украина, присоединившаяся к России, но сохранявшая автономию. Клепана неделя — праздник троицы... в пестрой плахте, с червонною запаской... — украинская одежда, состоящая из двух платков, заменяющих юбку. Заполочь — цветные нитки. Дукаты — украшения, драгоценности. Дробушки — мелкие косы, косички. Хустки — носовые платки. Кошик — кошель, котомка. Олея — растительное масло. Хорунжий, есаул — казачьи офицерские чины. Повытчик — чиновник в канцелярии.